

М. П. АЛЕКСЕЕВ

НЕСКОЛЬКО НОВЫХ ДАННЫХ О ПУШКИНЕ И БАТЮШКОВЕ

В истории русской литературы имя Антона Дитриха, врача по профессии и переводчика русских поэтов, теснее всего связано с К. Н. Батюшковым. Когда, по совету петербургских докторов, больного поэта решено было отправить в дом для душевнобольных в Зонненштейне, близ гор. Пирны в Саксонии, одним из врачей, которому там с марта 1828 г. вверено было попечение о Батюшкове, оказался Антон Дитрих.

После того, как стало ясно, что недуг Батюшкова неизлечим, именно Антон Дитрих доставил его в Россию и прожил при нем в Москве более полутора лет. Для Батюшкова наняли особый домик в одном из глухих окраинных московских переулков, и Дитрих жил безотлучно при нем, пытаясь применить для лечения поэта доступные тогдашней медицине средства: "...главной задачей врачебного надзора, — пишет Л. Н. Майков, — стало успокоение его бурных порывов. Благодаря попечению умного, внимательного и обходительного Дитриха цель эта была достигнута, но и то в малой степени: больного попрежнему приходилось держать в отлучении от всего живого мира".¹

Положение врача при русском поэте доставило Дитриху несколько литературных знакомств. За те годы, что Батюшков провел в Зонненштейне, poeta проездом навещали там его прежние друзья: С. И. и А. И. Тургеневы, В. А. Жуковский и др. В их рассказах о Батюшкове сохранилось и несколько очень сочувственных отзывов о Дитрихе. Так, в письме Д. В. Дашкова к неизвестному, где описан переезд Батюшкова из Саксонии в Россию в 1828 г., об Антоне Дитрихе говорится: „Лучше нельзя было сыскать человека, как этот Дитрих, предобрыйший человек; ангельское терпение и знает свое дело. Он был у меня раза два и многое рассказывал о Батюшкове; он любит его, а за это не заплатишь деньгами... Дитрих, не зная по-русски, запомнил все русские слова его“.²

Действительно, Дитрих очень интересовался Батюшковым, притом не только как врач, но и как бескорыстный любитель поэзии и искусства, сам немного поэт и переводчик. Случайно попав в Россию, Дитрих выучился здесь русскому языку и познакомился с виднейшими представителями русской литературы 1820-х годов.

По возвращении на родину, в долгие годы своей уединенной и замкнутой жизни, он много переводил из русских поэтов, но эти переводы не принесли ему известности, не были оценены его современниками и в значительной части своей даже остались неопубликованными. С некоторыми из русских писателей, с которыми пришлось ему познакомиться, живя при Батюшкове, Дитрих и по отъезде из России в течение ряда лет поддерживал переписку. Так, до нас дошла еще не изданная связка писем Дитриха к В. А. Жуковскому за 1828—1835 гг.³ Письма эти представляют несомненный интерес.

Первое письмо указанного собрания, посланное Дитрихом Жуковскому из Пирны от 15 ноября (н. ст.) 1830 г., рассказывает об отъезде его из России. Уезжая на родину морем через Петербург, он жалуется, что его кратковременное пребывание в этом городе омрачено было „злостью и корыстолюбием полицейских чиновников“, в отношении с которыми он должен был войти по поводу необходимых ему для выезда документов. Это огняло у него столько времени, что он, к своему огорчению, не смог даже воспользоваться любезным предложением П. А. Вяземского познакомить его с И. А. Крыловым

¹ Сочинения К. Н. Батюшкова, под ред. Л. Н. Майкова, т. I, СПб., 1887, стр. 302—303.

² Там же, стр. 332—333.

³ Письма хранятся в Институте русской литературы (Пушкинский дом) Академии Наук СССР в Ленинграде (собрание А. Ф. Онегина). Все письма писаны по-немецки; приводимые нами ниже цитаты из них даются в переводах, сделанных непосредственно с оригиналов, так как посвящены в значительной степени литературным делам — поэтическим и в особенности переводческим замыслам самого Дитриха, воспоминаниям его о русских литературных деятелях, наконец, рассказам о встречах его с немецкими писателями. Дважды упоминается в этих письмах А. С. Пушкин.

и вообще увеличить в Петербурге круг своих литературных знакомств: до сих пор он встречался только с московскими писателями или с теми, кто наезжал в Москву и навещал больного Батюшкова. В этом же письме Дитрих, между прочим, сообщает Жуковскому, что по возвращении в Германию, в одну из своих служебных поездок, он навестил Гете в Веймаре. «Во время этой поездки, — пишет он, — посетил я патриарха Гете (Vater Goethe), который очень обрадован был еще одному известию относительно Вас; он Вас еще хорошо помнит (Sie stehen bei ihm noch in guten Andenken). Хотя возраст его и дает себя знать, но он его еще не согнул. С надежным спокойствием и трезвой рассудительностью он еще владеет полной своей жизнью, как это привычно для него с давнего времени, и тяжелая ноша годов не сделала его еще неспособным принимать участие во всех тех интересах, которые столь живо занимали его раньше».¹

Дитрих был в сношениях также и с другими немецкими писателями. Он пишет Жуковскому в том же письме 1830 г.: «Переведенные мною русские народные сказки я переслал ученому профессору Якову Гримму в Геттингене, который обладает замечательным собранием немецких и иностранных народных сказок. Если они, — чего я еще не знаю, — будут напечатаны, то я Вам pošлю экземпляр».² «Чтобы не совсем забыть русский язык, — продолжает Дитрих, — я буду иногда по вечерам в течение этой зимы заниматься переводами, насколько это позволяет мне мои врачебные обязанности».³ Также некоторые из Ваших стихотворений намереваюсь я перевести стихами».

Из того же письма Дитриха к Жуковскому от 15 ноября 1830 г. мы узнаем, наконец, что он поставил своей задачей перевести также и некоторые стихотворения Пушкина, но что главным препятствием этому было отсутствие у Дитриха их русских текстов. Сообщая об этом Жуковскому, Дитрих вспоминает, что сам Пушкин хотел вручить ему томик своих сочинений, но не сделал этого. Приводим это любопытное место письма Дитриха, устанавливающее факт его личной встречи с Пушкиным в Москве: «Пушкин был в Москве слишком занят мыслями о женитбе и поэтому не исполнил своего обещания послать мне свои стихотворения: для покупки же их у бедного немца не было денег». «Идиллию Гнедича «Рыбаки», — прибавляет Дитрих, — вместе с другими переводами я, вероятно, напечатаю в каких-либо журналах. К сожалению, мои нынешние разнообразные занятия задержали мои письма к моим литературным друзьям в Москве, и, следовательно, о литературных новинках вашего отечества я не имею никаких сведений». Письмо заканчивается указаниями на встречу Дитриха с «нашим Тиком», который обрадовался, узнав, что Жуковский его вспоминает,⁴ а также некоторыми данными из переписки Дитриха с Л. Уландом, в которой речь также шла о Жуковском.

Как видно из последующих писем Дитриха к Жуковскому, в ближайшие за этим годы Дитрих действительно на досуге пытался переводить русских поэтов; однако лишь немногие из этих переводов попали в печать; большинство их осталось в рукописи. Охотнее всего Дитрих переводил из Жуковского; в 1834 г. при письме он прислал Жуковскому собственные рукописные переводы «Сказки о спящей царевне», «Песни матери» и двух песен: «Минувших дней очарованье» (Bezauberung verwichner Stunden) и «О, милый друг, теперь с тобою радость» (O, holde Freundin, Glück ist dein Begleiter).

¹ Жуковский познакомился с Гете в 1821 г., затем посетил его в сентябре 1827 г. В последнее пятилетие своей жизни Гете осведомлялся о Жуковском всякий раз, когда его посещал кто-либо из русских, и интересовался его поэзией. (Литературное наследство, 1932, № 4—6, стр. 353 и сл.)

² Собрание русских сказок, о которых пишет Дитрих, выпущено было им отдельной книгой с предисловием Я. Гримма (Anton Dietrich, Russische Volksmärchen in den Urschriften. Leipzig, 1831); научная ценность этой книги, однако, невелика, так как Дитрих воспользовался для своих переводов, главным образом, русскими лучшими изданиями XIX в. Этой книге посвящено письмо Дитриха к Жуковскому от 25 октября 1831 г.; интересно в нем указание на сборник Кирши Данилова, который Дитрих подарил дрезденскому знакомому Жуковского — Вейрауху.

³ А. Дитрих был врачом в одной из больниц под Дрезденом.

⁴ С Л. Тиком, как известно, Жуковский встречался в 1821 и 1826—1827 гг. в Дрездене. В связи с этими встречами отметим, кстати, что среди личных книг Жуковского, хранящихся ныне в библиотеке Государственного Томского университета, имеется любопытное издание: L. Tieck, Franz Sternbalds Wanderungen, II Theil (in 2 Büchern), Berlin, 1798, на титульном листе которого рукою Жуковского отмечено: «Geschenkt von dem Autor. Dresden, den 12 Juni 1821. Интерес этой книги определяется, в прочем, не столько этой пометой, сколько тем, что она, повидимому, является корректурным экземпляром и испещрена многочисленными исправлениями и вставками на полях к основному тексту, сделанными рукою самого Л. Тика. В этой же библиотеке Жуковского хранится томик переводов А. Дитриха из датского романтика Б. Ингемана (1789—1862): «Tasso's Befreiung» (Gotha, 1827), в который вклеено на четырех листках большое авторграфическое стихотворение Дитриха — посвященное послание Жуковскому (Zuschrift an den Herrn Collegienrath W. A. Schukowsky), нигде не опубликованное.

В одном из позднейших писем (от 28 января 1835 г.) Дитрих вновь сетовал Жуковскому на отсутствие под руками русских книг: доставать их в ту пору в Германии в условиях тогдашнего международного книжного рынка было, действительно, нелегким делом. „Я охотно перевел бы многие из Ваших стихотворений, — пишет Дитрих. — но у меня есть лишь их старое издание, и я боюсь оставить неиспользованными те изменения, которые могли появиться в их позднейших изданиях, что я всегда считал грехом по отношению к писателям“. Следует новое воспоминание о Пушкине: „По этой же причине я воздержался от того, чтобы перевести на мой родной язык что-либо из Пушкина, который мне в Москве обещал новейшее издание своих произведений, но не сдержал своего слова“.

Таким образом, дважды в своих письмах к Жуковскому (в 1830 и 1835 гг.) Дитрих упоминает о личной встрече с Пушкиным в Москве и об обещании поэта наградить „бедного немца“ новым изданием своих стихотворений. Когда произошла эта встреча? Не подлежит сомнению, что это случилось в день посещения Пушкиным большого Батюшкова в Москве. Л. Н. Майков два раза упоминает об этом посещении Пушкина, указывая притом различные даты. Рассказывая о том, как однажды, по желанию Е. Ф. Муравьевой, старой покровительницы Батюшкова, „в его доме отслужена была всеночная“, Л. Н. Майков пишет: „... но когда после службы присутствовавший при ней А. С. Пушкин вошел в комнату больного, последний не узнал его, как, впрочем, не узнавал обыкновенно и других лиц, ему знакомых в прежнее время“. При этом Л. Н. Майков прибавляет, что эти подробности извлечены им из дневника Дитриха, веденного им „в бытность его в Москве при больном“, и что „весною 1829 г. Дитрих уехал из России“.¹ „Дневник“ Дитриха, из которого Л. Н. Майков почерпнул указанные сведения, сохранился. Он находится в числе „бумаг, содержащих в себе сведения, относящиеся до биографии К. Н. Батюшкова“, в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.² Справка в оригинале дневника показывает, что дата посещения Пушкиным большого Батюшкова, извлеченная Л. Н. Майковым из этого документа, — 3 апреля 1830 г., — верна, однако Майков ошибся в указании времени отъезда Дитриха из России. Как видно из приведенного нами выше указания в письме Дитриха к Жуковскому от 15 ноября 1830 г., весною этого года Дитрих еще был в России. Что же касается Пушкина, то он в этот свой приезд в Москву находился здесь между 12 марта и 16 июля 1830 г., но в течение этого времени несколько раз отсюда уезжал (в половине мая — в имение Гончаровых, в начале июня — в Остафьево, еще позже — в сельцо Захарово близ Звенигорода).³ Так как Дитрих уехал в Петербург и оттуда на родину в апреле — мае 1830 г., то, повидимому, встреча его с Пушкиным 3 апреля этого года была единственной, и именно о ней он дважды упомянул в своих письмах к Жуковскому. Дитриху эта встреча, во время которой произошел его краткий разговор с поэтом, крепко запомнилась, Пушкиным она была позабыта. И в самом деле, для Пушкина она произошла при таких исключительных обстоятельствах (все его внимание было, естественно, всецело поглощено больным Батюшковым), что он легко мог забыть и немецкого врача и свое, вероятно мимоходом данное обещание подарить Дитриху новое издание своих стихотворений.⁴

Однако посещение Батюшкова должно было произвести на Пушкина сильнейшее впечатление и очень ему запомниться. Судьба больного поэта тревожила Пушкина давно. Во второй половине марта, т. е. незадолго до посещения больного, Пушкин сообщил Вяземскому слух, оказавшийся ложным: „Батюшков умирает“.⁵ Почти в то же

¹ Сочинения К. Н. Батюшкова, под ред. Л. Н. Майкова, СПб., т. I, 1837, стр. 303. Те же сведения повторены Майковым в книгах: „Историко-литературные очерки“ (СПб., 1895, стр. 195) и „Пушкин. Библиографические материалы и историко-литературные очерки“ (СПб., 1899, стр. 289), но уже с точной датой посещения Пушкиным Батюшкова — 3 апреля 1830 г. Отсюда это известие попало и в „Хронологическую канву“ Н. О. Лернера (изд. 2-е, СПб., 1910, стр. 208).

² Tagebuch über die Krankheit... Н. Konst. N. Batjuschkow, geschrieben von Anton Dietrich. Здесь же хранится и ряд писем Дитриха к сестре поэта А. Н. Батюшковой и к А. И. Тургеневу, переводы Дитриха на немецкий язык стихотворения Батюшкова „Мой пенаты“, четырех стихотворений П. А. Вяземского и другие материалы. См.: Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1892 г. СПб., 1895, стр. 137—139.

³ Пушкинская Москва. Путеводитель. М., 1937, стр. 183—186; ср. соображения М. А. Цявловского в кн.: Пушкин и его современники, вып. XXIII—XXIV, стр. 107.

⁴ Отмечу, кстати, что едва ли здесь могла идти речь об издании стихотворений Пушкина 1829 г., как я первоначально предположил; см.: Пушкин. Временник Пушкинской комиссии, 3, изд. АН СССР, Л., 1937, стр. 119.

⁵ Пушкин. Письма, под ред. Б. Л. Модзалевского, т. II, стр. 79; ср. позднейшее письмо Пушкина к В. Ф. Вяземскому от 4 июня 1832 г. Отметим, кстати, что П. А. Вяземский также познакомился с Дитрихом во время посещения больного Батюшкова. Еще в 1829 г. Вяземский писал А. И. Тургеневу из Москвы: „Вчера с согласия Дитриха испытывали мы над Батюшковым действие музыки“ (Русский архив, 1900, № 3, стр. 355). В 1835 г. Дитрих писал Жуковскому (23 января): „Прошу передать мое почтение кн. Вяземскому; меня очень радует, что он меня еще помнит“.

время больного посетил М. П. Погодин, который писал в своем дневнике: „в роковые idus Martii к нему [Батюшкову] с Дитрихом. Через окно. Лежит почти неподвижный. Дикие взгляды. Взмахнет иногда рукою, мнет воск... И так лежит он два месяца. Боже мой! Где ум и чувство? Одно тело чуть живое. Страшно!“¹

Вскоре после этого Жуковский сообщил Д. П. Северину (письмо от 13—25 апреля 1830 г.): „О Батюшкове, который и теперь в Москве, куда уже два года, как перевезен из Зонненштайна — весьма худые вести: он почти при конце жизни и надобно желать, чтобы эта жизнь кончилась, чтобы его высокая душа вырвалась из тех цепей, которые так страшно обременяли ее; надежды излечения для него нет никакой“.²

Быть может, свиданию Пушкина с Батюшковым и его близкими мы обязаны тем, что в альманах „Северные цветы“ на 1831 г. при содействии Пушкина включена также повесть Батюшкова „Предслава и Добрыня“.³ Но наиболее ярким отзвуком того же посещения, как мы предполагаем, является стихотворение Пушкина „Не дай мне бог сойти с ума“.

Как известно, стихотворение это трудно поддается датировке и обычно помещается в ряд стихотворений „неизвестных годов“. П. В. Анненков относил его к 1833 г., полагая, что оно „писано в одно время с «Медным Всадником»“, едва ли, впрочем, не исключительно на том основании, что и в поэме и в стихотворении говорится о безумии: рукопись не дает нам никаких оснований для такого определения.⁴ „Осторожнее было бы датировать пьесу 1832—1834 гг. по связи ее с «Медным Всадником» и «Русалкой», где также затронут вопрос — о безумии“, замечает в свою очередь Н. О. Лернер.⁵

Новейшие комментаторы не уточнили этих неопределенных заключений. Б. В. Томашевский в „однотомнике“ Пушкина (1937 г., стр. 898) относит стихотворение к 1831—1833 гг., замечая: „нет никаких данных, чтобы точнее датировать его“.

Отсутствие точной даты создания этого стихотворения и полная неясность его происхождения вызвали ряд произвольных о нем догадок. Писали и о том, что безумие, о котором говорит Пушкин в этом стихотворении, — „это безумие поэта, который хотел бы петь о свободе России“ (Третьяк), забывая, что в первых же строках Пушкин говорит о том, что хотел бы от в р а т и т ь от себя безумие как величайшее несчастье в жизни:

Не дай мне бог сойти с ума,
Нет, легче посох и сума,
Нет, легче труд и глад...

По поводу этого стихотворения вспоминали и шекспировских безумцев и Тассо. Однако Батюшков был при этом забыт комментаторами Пушкина. Между тем, в основе стихотворения лежит, несомненно, воспоминание о реальном впечатлении. Пушкин противопоставил здесь поэтическое представление о безумии поэта („Я пел бы в пламенном бреду, я забывался бы в чаду нестройных чудных грез...“), дикую волюность поэтического бреда, реальному сумасшествию больного:

Да вот беда: сойди с ума.
И страшен будешь, как чума,
Как раз тебя запрут,
Посадят на цепь дурака,
И сквозь решетку, как зверька,
Дразнить тебя придут.

М. П. Погодин, видевший Батюшкова почти одновременно с Пушкиным „через окно“, ужаснулся: „Где ум и чувство?“. Ужас Пушкина должен был быть еще сильнее и глубже, когда он поставил себя на место больного и противопоставил поэтическое представление о безумии реальным ощущениям и последствиям болезни: „тебя запрут“, „посадят на цепь“, „дразнить тебя придут“.⁶

Это сближение не решает, естественно, вопроса о дате стихотворения: впечатление Пушкина могло и не сразу оформиться в стихотворение. Но условно предположенную датировку 1831—1833 гг. можно было бы раздвинуть и в другую сторону: 1830—1833 гг. — и все же считать, что при анализе данного стихотворения следует учитывать и ту памятную для Пушкина встречу с безумным поэтом Батюшковым, о которой мы знаем из дневника случайного московского знакомого Пушкина — Антона Дитриха.

¹ Н. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. III. СПб., 1890, стр. 36.

² Русская старина, 1896, июль, стр. 84.

³ Литературное наследство, № 16—18, стр. 593.

⁴ А. С. Пушкин, Соч., изд. П. А. Ефремова, т. VIII, стр. 348.

⁵ А. С. Пушкин, Соч., под ред. С. А. Венгерова, т. VI, стр. 453—454.

⁶ Ср. также пушкинские рисунки, изображающие сумасшедших, в тетради № 2371, л. 89 об., и позднейший в тетради 2377А (№ 5), л. 5 (рукопись „Странника“).